

Катафорические средства связи в типе текста «письмо читателя»

Архипов Сергей Юрьевич

Аспирант Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия

На сегодняшний момент лингвистика текста располагает несколькими комплементарными подходами к изучению того или иного типа текста. Для настоящего исследования, посвященного использованию средств текстуализации в письмах читателей, наиболее оправданным представляется подход, заключающийся в изучении устоявшихся особенностей в отборе и использовании языковых средств при порождении текстов данного типа (ср. «Formulierungsmuster» [Heinemann: 164-169]).

Предпосылкой для настоящего исследования послужила замеченная на ранних этапах анализа высокая частотность катафорических средств текстуализации в читательских письмах в немецких аналитических журналах. С целью подтверждения данного наблюдения и выяснения его причин проанализировано 126 текстов читательских писем из журнала „Spiegel“ (№№ 43-47/09) и 87 текстов из журнала „Focus“ (№№ 44-49/09).

Анализ показал, что в 196 текстах (92% от всего эмпирического корпуса) обнаружены те или иные средства катафорической связи. Поскольку катафорические связи могут оформляться языковыми единицами как различной частеречной отнесенности, так и различного языкового уровня [Duden: 1103-1109; Абрамов: 164-166], представляется целесообразным дать классификацию типов катафорической связи, выявленных в изучаемых текстах на основании характера языковых единиц, оформляющих катафорический antecedent.

I. Катафорические связи, в которых постцедент уточняет семантику antecedenta.

1. Катафорическая прономинализация, оформляемая с помощью местоимений различных классов:

а) указательные местоимения (*Diejenigen, die seine wohlklingenden, mit schönen Visionen angefüllten Reden verfasst haben...*);

б) местоименные наречия (*Es muss dafür gesorgt werden, dass keine Bank mehr durch ihre Zusammenbruch künftig die gesamte Marktwirtschaft ins Wanken bringt*);

в) притяжательные местоимения (*Während ihre LeserInnen immer älter und speckiger werden, verwenden internationale Modemagazine vorzugsweise Twen-Hungerhacken*).

2. Катафорическая связь, в которой antecedent выражен единицами иной частеречной принадлежности:

а) существительным (*Fazit: fehlender Mut damals und heute*);

б) числительным (*Hier bleiben zwei auf der Strecke: der verantwortungsvolle Arzt ohne übersteigertes Gewinnstreben und der beitragszahlende Patient*);

в) наречием (*Vorsicht: Schwarz-Gelb sind bekanntlich die Farben des Warnsignals vor radioaktiver Strahlung*);

г) союзом (*Und: Mein „Held“ ist er ganz sicher nicht!*).

3. Катафорическая связь, основывающаяся на уточнении содержания одного предложения последующей частью текста. Катафора данного типа особенно часто встречается в начале читательских писем; с их помощью читатели в общих чертах обозначают свое отношение к какой-либо статье или теме, а затем в последующей части текста разъясняют свою позицию (*Das genaue Gegenteil ist der Fall. Die Demokratie hat sich in Deutschland still verabschiedet...*).

4. Катафорическая связь, создаваемая с помощью конкретизации семантики предшествующего существительного. При этом артикль, стоящий перед уточняемым существительным, сближается по функции с указательным местоимением (*Herrn Fischers Lebensgeschichte „Vom Revoluzzer zum Lobbyisten“ ist auch nicht gerade die Story, die man gern über einen Ex-Außenminister hört*). Представляется уместным говорить в данном случае об анафорико-катафорическом типе связи, поскольку определительное

придаточное предложение вводится относительным местоимением *die*, которое реферирует к предшествующей лексеме *die Story*, т.е. очевидна анафорическая связь. С другой стороны, определенный артикль, выступающий в функции указательного местоимения и отсылающий к содержанию придаточного, оформляет катафорическую связь (ср. [Абрамов: 166]).

II. Катафорические связи, обусловленные особенностями синтаксической структуры предложения.

1. Следующий тип катафоры заключается в заполнение **обязательной** валентности глагола при условии, что его актанты располагаются в предложении после самого глагола (*Warum akzeptiert man nicht, dass es Menschen gibt, die andere Vorstellungen von dieser Welt haben als ein Herr Westerwelle*). В данном случае глагол обращает внимание реципиента к последующей части текста, что, по определению, является катафорой [там же: 164].

2. Рассматриваемые тексты изобилуют обширными рядами определений, стоящих в препозиции к определяемому слову (*eine offensive machtvolle gesellschaftliche Kraft*). Р. Богранд и В. Дресслер считают, что восприятие подобных номинальных фраз возможно по следующему сценарию: реципиент сначала достигает «главного элемента» – существительного, после чего начинает связывать его с предшествующими «модификаторами» [Baugrande, Dressler: 65]. Таким образом, определения указывают на последующее существительное, т.е. выполняют катафорическую функцию.

3. Различные двусоставные синтаксические структуры (двусоставные предлоги, сравнения типа *genauso wie* и т.д.).

Сказанное выше позволяет заключить следующее: в рассматриваемых текстах высокочастотно употребление катафорических и анафорико-катафорических связей, оформляемых разнородными языковыми средствами, а, следовательно, катафора является важным текстограмматическим элементом рассматриваемого типа текста.

Учитывая, что «катафора может использоваться для создания эффекта неизвестности и тем самым для усиления интереса реципиента» [ibidem: 65], поскольку «катафора формирует проблему во внешней структуре текста и побуждает читателя, дальше вчитываться в историю» [ibidem: 66], можно предположить, что отбор редакциями писем, насыщенных катафорическими связями, используется для усиления интереса читательской аудитории к данной рубрике.

Литература

Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. М., 2001.

Baugrande R.-A., Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, 1981.

Duden. Die Grammatik. Mannheim, 2010.

Heinemann W., Viehweger D. Textlinguistik: eine Einführung. Tübingen, 1991.

Особенности текста Договора об учреждении Европейского Сообщества (на примере договора для немецкоязычных стран)

Байрамова Лейли Оруджевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Договор об учреждении Европейского Сообщества является оригинальным правовым текстом, отражающим национальную специфику немецкоговорящих стран. Он имеет свою особую структуру, отличную от других аналогичных документов, которая требует отдельного рассмотрения. Этот документ состоит более чем из 30 отдельных законодательных текстов: преамбулы, семи основных статей, протоколов по различным вопросам Евросоюза и заключения, в котором объясняются определения договора. Все эти самостоятельные тексты объединяет изложение цели регулирования эффективной работы всех стран участниц Европейского Союза. Особенности текста

этого Договора необходимо учитывать при переводе его на русский язык, чтобы сохранить корректный правовой статус терминов юридического дискурса.

Преамбула содержит приветствия всех глав государств-участниц Евросоюза, министров внутренних и иностранных дел, обращения непосредственно к лидерам государств с упоминанием их должности и ученой степени, и, что характерно для немецкоговорящих стран, обязательное гендерное различие, выраженное в суффиксе *-in* (маркируется обращение к женщине), например: «Dr. Angela Merkel (Bundeskanzlerin) und Dr. Frank-Walter Steinmeier (Bundesminister des Auswärtigen und Stellvertreter der Bundeskanzlerin), (Deutschland)»; «Dr. Ursula Plassnik, (Bundesministerin für europäische und internationale Angelegenheiten), (Österreich)». Особенностью перевода текста документа на русский язык является правильный выбор обращения к государственным лидерам мужского и женского пола. Так, в русском языке нет специального грамматического показателя рода в таком обращении (суффикса). В русском языке используется обращения «господин федеральный канцлер» и «госпожа федеральный канцлер».

Документы Договора, будучи самостоятельными текстами, имеют ряд общих черт, заключенных в структуре и используемых лингвистических средствах. Так, статьи договора четко подразделяются на пункты (a, b, c и т. д.), перед каждым из которых дано предваряющее пояснение, например: «Der folgende Artikel 9b wird eingefügt:....», «Artikel 21 wird wie folgt geändert:....». Этот метатекстовый компонент обеспечивает правильное прочтение и понимание правового документа. Пояснение во всех статьях дано в пассивном залоге. При переводе на русский язык большая часть таких вводных пояснений выражена либо пассивным залогом: «Статья 21 изменена.....», либо пассивным залогом с модальным глаголом: «Следующую статью 9б можно добавить к следующим пунктам...» (с учетом того, что модальность в немецком тексте не подразумевается). Это – результат компиляции русских переводов отдельных документов, включенных в общий Договор. Однако на общее содержание текста отсутствие единого варианта передачи пассивного залога не влияет.

Общность текстам документа придает выбор лексем латинского происхождения для интернациональных понятий, например: «universelle Werte» - «универсальные (общие) ценности» (хотя в немецком языке существуют прилагательное «allgemein» (общий); «humanistisches Erbe Europas» - «человеческое наследие Европы» (хотя в немецком есть слово «menschlich» (человеческий). Авторы Договора сознательно выбирают латинский вариант, существующий почти во всех европейских языках). При этом есть случаи, когда предпочтение отдается слову германского происхождения (использование «Zuständigkeit» вместо «Kompetenz» для понятия «компетенция»).

Большинство терминов и общих понятий в тексте образовано суффиксальным способом, в основном, это слова женского рода с суффиксами *-ung* (Mitteilung, Gründung, Schlussbestimmung, Ausübung, Übereinstimmung, Verwirklichung); *-keit* (Verhältnismäßigkeit, Zuständigkeit); *-tät* (Subsidiarität); *-tion* (Konvention). Наиболее продуктивным оказался суффикс *-ung*, этим способом в тексте образовано около 40% всех терминов.

Каждый протокол Договора так же, как и статьи, снабжен пояснением - названием и подзаголовком: «Protokoll über die Rolle der Nationalen Parlamente in der Europäischen Union». Цель данного раздела договора – письменная фиксация работы органов Евросоюза. Подзаголовки в данном разделе в русском переводе иногда представлены без самого слова «протокол», имеющегося в немецком тексте, и могут звучать следующим образом: «Роль национальных Парламентов в Европейском Союзе». Русский перевод упрощает название за счет передачи темы протокола, без указания вида документа.

В приложении Договора даны сводные таблицы соответствий статей действующего документа с другими европейскими договорами. В заключении

приведенные статьи, акты, протоколы и другие документы еще раз подкрепляются подписями глав государств – участниц Евросоюза.

Таким образом, композиция Договора соответствует общепринятым формам в правовых документах, но имеет свои специфические особенности (объединение самостоятельных документов в одном Договоре). Русский перевод Договора в целом адекватно передает содержание положений документа и корректно отражает правовой статус терминов юридического дискурса, хотя в некоторых текстовых позициях мы наблюдаем несущественные для общего понимания текста грамматические (морфологические и синтаксические) различия.

Литература

Klemens H. Fischer. Der Vertrag von Lissabon. Text und Kommentar zum Europäischen Reformvertrag, 2008.

Thun-Hohenstein. Europarecht, kurzgefasster Überblick mit den Auswirkungen der EU-Erweiterung, Manz, 2008.

Частотность употребления иностранных слов в речевом жанре *Büttenrede*

Беляев Денис Викторович

*Аспирант Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

При исследовании лексических особенностей текстов *Büttenrede*, одного из жанров современного немецкого городского фольклора, представляется важным определить количество иностранных слов и их стилистическую окрашенность. Это позволило бы сделать некоторые выводы о лексическом составе текстов данного жанра, влиянии на него, в частности, английского языка, происходящее через разговорную немецкую речь и избыточную у отдельных социальных слоев (например, молодежи) англицизмами, а также проследить в диахроническом плане тенденцию к росту или сокращению числа подобных лексем в *Büttenrede*.

При анализе текстов использовался метод сплошного подсчета слов. Всего было проанализировано 18 текстов. Общее количество слов в текстах составило 9628 (100 %), из них 268 (2,8 %) - иностранные слова, среди которых 46 (0,5%) англицизмов. Полученные данные представлены в таблице:

Büttenrede	Слов (100 %)	Иностранных слов (всего)	%	Англицизмы	%
1	451	8	1,8 %	0	0 %
2	117	0	0	0	0
3	237	5	2,1 %	1	0,4 %
4	249	6	2,4 %	3	1,2 %
5	164	4	2,4 %	3	1,8 %
6	925	11	1,2 %	1	0,1 %
7	911	45	4,9 %	5	0,5 %
8	348	20	5,7 %	5	1,4 %
9	141	8	5,7 %	4	2,8 %
10	239	16	6,7 %	1	0,4 %
11	518	27	5,2 %	1	0,2 %
12	450	10	2,2 %	1	0,2 %
13	618	10	1,6 %	4	0,6 %
14	615	16	2,6 %	3	0,5 %
15	638	22	3,4 %	4	0,6 %
16	1078	41	3,8 %	6	0,6 %
17	775	16	2,1 %	4	0,5 %
18	1154	3	0,3 %	0	0 %

При подсчете не учитывались: а) имена людей – Hitchcock, Bush; б) географические названия – USA; в) названия фирм, предприятий, организаций и т.п. – Ford Escort; Uncle Sam; Champions League; г) названия ресторанов, отелей и т.п. – «Royal Court Tavern»; д) сокращения – CIA, GIs, DDT, SOS.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что количество иностранных слов в жанре Büttenrede довольно высоко. Их частотность в тексте Büttenrede колеблется от 0,3 % до 6,7 %, или в среднем 3 % на 1 текст Büttenrede. Количество англицизмов варьируется в процентном отношении от 0 % до 2,8 %, или в среднем 0,7 % на 1 текст Büttenrede. Только в одном тексте не было обнаружено иностранных слов и в трех – англицизмов.

В современный язык заимствования приходят в основном из английского языка, являясь существенным источником пополнения немецкой разговорной лексики [Ср.: Девкин: 252-255]. Англицизмы (американизмы) относятся практически ко всем сферам человеческой деятельности: спорту, развлечениям, обиходу, музыке, политике и т.п. Они заимствуются обычно беспереводно – Hobby, Job, Baby(sitter), cool, Look, Girl, House(-musik), Teddy, Slip, Striptease, Show. Некоторые из таких заимствований стали интернациональными обозначениями отдельных реалий - Computer, Internet. Отдельные лексемы претерпевают изменения в номинации (семантическая транспозиция) – Handy (= Mobiltelefon). Многие из таких заимствований не являются необходимыми для немецкого языка, но сохраняются параллельно с немецкими эквивалентами, внося новый оттенок, «иногда чисто экспрессивный, а иногда понятийный» [Девкин: 253], выступая порой как генерализующие слова. Ср.: Kicker – Fußballer, Story - Handlung – Stoff – Reportage – Mitteilung – Geschichte – Hergang.

Иностранные слова играют немаловажную роль в лексиконе Büttenrede, внося разнообразие в текст. С их помощью автор может выразить свое личное отношение к обозначаемым ими реалиям (ср.: (нейтр.) Mädchen - Girl – 1) (фам., часто шутол.) девочка, девушка; 2) танцовщица в танцгруппе; (нейтр.) Reise – (жарг.) Trip; (нейтр.) Amerikaner – Ami (разг.; иногда с оттенком пренебрежения). Употребление иностранных слов диктуется, в первую очередь, модой и языковым вкусом, т.е. индивидуальным стилем оратора [Ср.: Heller: 24-34]. Так называемые «модные слова» могут ограничиваться рамками региона или даже отдельной общины. Немаловажную роль в появлении таких «модных слов» играют СМИ. Употребление иностранных слов иногда служит созданию комического эффекта или фона информированности о современном, инновационном, престижном. Несмотря на кажущуюся немногочисленность (см. таблицу), основную роль среди заимствований следует отнести англоамериканизмам, проникающим в лексикон Büttenrede из современного разговорного немецкого языка. Причиной таких заимствований могут быть как отсутствие номинаций для обозначения соответствующих реалий, так и экспрессивность, а также особые оттенки значения лексем.

Литература

Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., 1965. С. 252-255.

Heller K. Das Fremdwort in der deutschen Sprache der Gegenwart. Untersuchungen im Bereich der Gebrauchssprache. Leipzig, 1966. S. 24-34.

Особенности безударного вокализма немецких говоров Верхнекамского района Кировской области

Ведерникова Екатерина Владимировна

Студентка Вятского государственного гуманитарного университета,

Киров, Россия

Немецкие поселения в России имеют давнюю традицию – с X века. В Вятской губернии немцы стали селиться со второй половины XVIII века, в период развития региональной промышленности, требовавшей привлечения кадров, обладающих

необходимыми знаниями и квалификацией. Привлечение немецких специалистов имело также большое значение для повышения общекультурного уровня губернии.

Изучаемые с лингвистической позиции российские немцы, проживающие ранее в Поволжье и на Украине, попали в Кировскую область во время Второй мировой войны (1941-1942 гг.) и после нее (1945-1947 гг.) из Казахстана и Сибири по причине депортации. Все немцы имели статус спецпоселенцев, не имели права выезда, использовались на тяжелых работах до 1955-1956 гг., когда режим спецпоселения был отменен. Поселки Верхнекамского района Созимский и Черниговский первоначально являлись спецпоселениями раскулаченных и заключенных, куда в 40-х годах было доставлена многочисленная группа депортированных немцев с Поволжья и из Украины [Бердинских: 149]. Поселки не являются чисто немецкими поселениями и не представляют собой замкнутой немецкой общины со своими языковыми и культурными традициями.

Этнические немцы – это значительная часть среди населения Верхнекамского района, которая занимает свое особое место в этнической структуре этого района, поэтому исследуются не немецкоязычное население как таковое, а немецкоязычные поселенцы: немецкоязычные семьи, отдельные индивиды, сохранившие и использующие свой родной говор [Смирницкая: 160]. В настоящее время в Кировской области говоры этнических немцев представлены на уровне идиолектов, близких к локально окрашенному немецкому литературному языку.

С немецкими говорами произошли следующие преобразования со времен их появления в России. Привезенные из Германии многочисленные диалектные вариации взаимодействовали в немецких национальных регионах в России и на Украине. Как результат, в большинстве случаев под воздействием процессов смешения, сглаживания, ослабления диалектов возникали смешанные говоры, которые можно обозначить как некое надрегиональное образование [Бухаров: 56], то есть когда говоры, состоящие из отдельных идиолектов, включают в себя общие и разделяющие единицы различных уровней. На протяжении всего периода истории российских немцев роль основного контактного языка играл русский язык.

Влияние русского языка особенно ощутимо на уровне лексики и синтаксиса: в виде заимствований обозначения реалий и понятий, построения словосочетаний и предложений [Березина: 10]. С точки зрения диалектологии можно подчеркнуть, что почти каждый идиолект, привлеченный к рассмотрению, обнаруживает признаки смешения «северных» и «южных» черт, что характерно и для большинства диалектных областей Германии, тем более, что для почти всех явлений их «безусловное» отнесение к определенной диалектной зоне представляется проблематичным [Смирницкая: 206].

Интерпретация безударного вокализма в фонологической системе для гласных исследуемых говоров базируется на теоретических положениях Петербургской фонологической школы. Материалом для данного исследования служит звучащая речь – текст, из которого в процессе анализа вычленяются элементы, чьи признаки должны носить функциональный характер [Березина: 11].

Состав безударных гласных фонем исследуемых говоров определялся с двух позиций. Во-первых, поиск минимальных кратчайших звуковых единиц (фонем), на которые членится речевой континуум как единое целое (синтагматический аспект). В качестве исходного пункта был взят морфологический принцип (критерий функциональной сегментации). Во-вторых, становление звуков речи, являющихся проявлениями, оттенками одной фонемы, которая определяется как высшая единица, так называемый эталон (парадигматический аспект). Идентификация фонем по функциональному признаку явилась основанием для распределения последних в эквивалентные классы, каждый из которых соответствует высшему абстрактному элементу – фонеме. В основе вычленения фонем в речи лежит структурно-

функциональный признак, который является прямым проявлением языковой системы [Березина: 11].

В ходе исследования в говорах было выявлено 12 фонем [a], [a·], [o], [o·], [ε], [ε·], [ə], [i], [i·], [u], [u·], [ae], которые реализуются в 10 фонемах: /a:/, /a/, /o:/, /o/, /ε:/, /ε:/, /i:/, /i/, /u:/, /u/, /ae/.

В исследовательской работе применяется экспериментально-фонетический анализ вокализма представленных говоров. Фонетический анализ и описание рассматриваемых идиолектов строились с учетом артикуляционного, акустического и перцептивного аспектов. Основные методы анализа акустических характеристик безударных гласных звуков заключаются в следующем. С помощью программ Gold Wave и PRAAT 4.0.4 производилась регистрация и анализ акустических параметров безударных гласных звуков в программных словах. Необходимыми характеристиками являются частота, интенсивность и длительность безударных гласных звуков. Сопоставление результатов экспериментального исследования акустического качества безударных гласных и их восприятия делают возможность утверждения об их принципиальном совпадении. Преимущественно различающиеся в акустическом плане звуки по 2 и более дифференциальным признакам не идентифицируются как одинаковые и при аудиторском анализе [Березина: 17].

Работа является первым шагом в лингвистическом исследовании безударного вокализма речи немцев Кировской области.

Литература

Березина Ю.В. Об особенностях развития немецких говоров Кировской области // Семантика. Функционирование. Междунар. сб. науч. трудов. Филология. Киров, 2007. С. 298 – 300.

Березина Ю.В. Консонантизм немецких говоров Кировской области: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Киров, 2009.

Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. Нижний Новгород, 1995.

Дульзон А.П. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья // Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. М, 1941. № 3. С. 82 – 96.

Смирницкая С.В. Труды по германистике и истории языкознания СПб., 2002.

Антропонимы в пословицах и поговорках российских немцев Кировской области

Дектерева Инга Юрьевна

Студентка Вятского государственного гуманитарного университета, Киров, Россия

В Кировской области проживают российские немцы, говорящие на верхненемецком и нижненемецком диалектах, которые под воздействием целого ряда факторов подвергаются мощному воздействию русского языка, постепенно теряя ведущую роль как средство коммуникации этнических немцев России. Поэтому они могут быть утрачены навсегда, а вместе с ними разрушится не только целый пласт языковой системы, но исчезнут и культурные корни говорящих на них этнических групп.

В данной статье представлены первые результаты анализа языковой картины мира российских немцев, проживающих на территории Кировской области. Анализ проводился на основе диалектных пословиц и поговорок, с целью выявления в них национально-культурной специфики, отражающей особенности их мировоззрения. В рамках данной статьи используются только те пословицы и поговорки, которые представлены в сборнике «Пословицы и поговорки немцев Поволжья», а также пословицы и поговорки немцев Кировской области, записанные в ходе полевой практики с применением метода анкетирования (общее количество 21) [Байкова: 2004], [Ерина: 2000] В настоящем исследовании представлены результаты изучения

антропонимов, встречающихся в пословицах и поговорках российских немцев, проживающих на территории Кировской области.

В лексике любого языка есть один очень важный и специфичный для данного языка пласт слов – имена собственные. Они отличаются от других полнозначных слов своей функцией в языке и лексическими качествами. Многие имена собственные этимологически непонятны сегодня, но хранят ценную информацию, извлекаемую из них историками культуры, лингвистами, археологами и специалистами в других областях. К именам собственным относятся и антропонимы (от греч. *anthrōpos* – человек и *ōnuma* – имя) – имена собственные людей (личное имя, фамилия, прозвище, псевдоним, кличка) [БЭСЯ 1998: 515-516], [Штейнгарт: 2006]

В общем корпусе пословиц и поговорок российских немцев, подвергшихся анализу, можно выделить следующие группы антропонимов:

1. Традиционные немецкие личные имена.

' Fliege is ka Kunst, `s Setz“ sad dr Hannes, als `r is vom Dach gfall

Пословицы и поговорки, содержащие в своем составе немецкие личные имена, носят экспрессивный, разговорно-обиходный характер, а онимы в них – самый обыденный.

2. Имена литературных персонажей и персонажей «народной мифологии».

Du spielst wie der Eilespiegel, der hot aach sai Großmodder mit dr Mistgawel gekitzelt

На национальную специфику указывает и определённая маркированность отдельных компонентов пословиц и поговорок, в частности, наличие в их структуре персонажей „народной мифологии“ и литературных персонажей: Носители литературных имён – вымышленные, но сами либо воспроизводят реально функционирующие личные имена, либо искусственно созданы авторами литературного произведения.

Культурная информация пословиц и поговорок тесно связана с параметром денотации, именно денотаты (*Eulenspiegel, Hänsel, Gretel*) в них являются носителями культурной информации. Рассмотренные антропонимы-характеристики заключают в себе особенности отношения «обобщённого» российского немца к определённым чертам поведения, характера того или иного лица, включая их национальную оценку.

3. Имена исторические, т.е. личные имена и фамилии реально существовавших лиц, известных своей деятельностью последующим поколениям.

Des kann doch bleiwe bis heilig drei-Ludwig

Другим видом антропонимов с национально-культурной семантикой являются имена исторические, т. к. именно они обладают широким ассоциативным ореолом. Многие имена исторических лиц связаны в памяти носителей диалекта с историческими событиями социального и культурного плана. Данные имена представляют собой имена-характеристики, созданные не просто для называния того или иного лица, а для образной характеристики объекта.

4. Имена библейского происхождения, воспринимаемые как символы.

Peter und Paul macht `m Korn die Worzel faul

Использование в пословицах и поговорках российских немцев имён библейского происхождения доказывает, что им присущи как национально-культурные элементы, так и интернациональные, являющиеся главными образующими национальной картины мира.

5. Традиционные русские личные имена.

Do hot die Russa-Matschka g`bet drfier (daß nichts daraus wird)

Использование в пословицах традиционных русских личных имён позволяет предположить, что диалект приобретает с течением времени некоторые черты картины мира языка окружения, т.е. русского языка, но не ассимилируется полностью. В рассмотренных примерах налицо более частое употребление личных мужских имён по сравнению с женскими, что позволяет предположить доминанту мужского взгляда на жизнь.

Таким образом, пословицы и поговорки, в состав которых входит антропоним, обладают яркой национальной маркированностью. За антропонимом закрепляется определённый, фиксированный набор признаков, который остаётся неизменным. Имя собственное уже не относится к своему определённому носителю, а как бы «вбирает» в себя все присущие ему черты и наделяет ими любой другой объект. Оно характеризует его действия, поступки, выдвигая на передний план не само название, а его оценку, отношение говорящего как к объекту, носящему данное имя, так и к новому объекту, на который это имя переносится.

Литература

Байкова О.В. Немецкие говоры Кировской области и особенности их вокализма: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киров, 2004.

Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 1998.

Ерина Е.М. Пословицы и поговорки немцев Поволжья. М., 2000.

Штейнгарт Л.М. Особенности отражения национально-культурной специфики в пословицах и поговорках российских немцев, содержащих реалии-антропонимы // Немцы Сибири: история и современность. Материалы V Международной научно-практической конференции. Омск, 2006.

Современная интерпретация концептуальных схем декаданса (на материале стихотворения Л. Зайлера „fin de siècle“ (2000))

Евграшкина Екатерина Евгеньевна

Аспирант Самарского государственного университета, Самара, Россия

Стихотворение современного немецкого поэта Л. Зайлера “fin de siècle”, впервые опубликованное в 2000 году в сборнике „*pech & blende*“ [Seiler: 15], уже благодаря своему заглавию автоматически включается в контекст системы культурных координат периода “fin de siècle”.

Культурной системой, в рамках которой нам представляется необходимым анализировать данный текст, является декаданс: время конца XIX – начала XX века явило собой расцвет декаданса (от лат. „*cadere*“ – «падать», «погибать», «разлагаться», «умирать»). Макроконцепт «fin de siècle» оказывается неразрывно связанным с другим макроконцептом – «декаданс», они образуют своеобразный центр, вокруг которого будет складываться микроконцептуальная текстовая периферия.

Пространственно-временные концептуальные координаты текста задаются уже в первых строках: это зима (концепт «снег»), послевоенное время, Вена («венский мост»). Декаданс стал формирующей частью Венского модерна, ведь, к примеру, Берлинский модерн акцентировал свое внимание на социальных противоречиях и культивировал в искусстве и литературе тенденции натурализма.

Традиционно приписывая синдрому «конца века» предчувствие беды, надвигающейся катастрофы, мы скорее могли бы ожидать указания на *предвоенное* время, текст, однако, весьма однозначно указывает на состояние *после* войны – не напряжение ожидания, а ужас случившегося, статика разрушения. Концепт «война» в его связи с концептами «разрушение», «опустошение», «смерть» выполняет в тексте функцию концептуального посредника между эксплицитно и имплицитно выраженными концептами.

Концепт «мост» в данном контексте приобретает двойное, пространственно-временное значение: эксплицитно как городское сооружение, помогающее преодолеть препятствие, и имплицитно как метафора переходного времени, состояния «меж двух веков», отсылая читателя в свою очередь к названию стихотворения.

Концептуальная линия болезни, безумства и смерти в анализируемом нами тексте начинается с появления *мертвого* ирландского сеттера. На текстуальном уровне в нашем случае преодоление смерти, ее слияние с жизнью происходит посредством сочинительной связи двух предикатов, по логике вещей исключающих возможность

друг друга: «...он [сеттер] был мертв и ждал меня...». Далее следует развитие концептов «механизм» и «механизация», имеющих генетическую связь с концептом «смерть» и смещающих акценты на сомнамбулическое, искусственное существование. Ребенок (поэтический субъект) качает сеттера на руках – *туда-сюда (hin & her)* – движение приобретает маятниковый характер, механизмуется и выходит из-под контроля действующего субъекта. Если в данном случае маятник движется по горизонтали, то далее мы находим пример механическому движению по вертикали – глазные веки сеттера опускаются и поднимаются – *вверх-вниз (auf & zu)*.

Следующими важными концептами являются «нервность» и «усталость». Появляясь в качестве согласованного определения в стихотворении „fin de siècle“, прилагательное „nervös“ в обоих случаях сопровождает неодушевленные существительные, причем в первом случае, ввиду отсутствия знаков препинания и слияния синтагм, для интерпретации предлагаются два варианта – „peitschen“ (плетки) и „lampe“ (лампы), во втором это однозначно существительное „licht“ (свет). Концепт, связанный со сферой человеческого существования, реализуется в ином контексте, одновременно создавая метафору (нервный тик мигающего света лампы) и отражая рефлексивность поэтического субъекта (взгляд на происходящее, возможный рефлексивный перенос).

Другим таким же значимым для понимания культуры декаданса является концепт «усталость» - вспомним, к примеру, книгу норвежского писателя А. Гарборга «Уставшие души», а также роман «Наоборот» Ж.К. Гюисманса – и «бледных и бесцветных женщин с уставшими лицами» того же Ф. Дёрмана. Данный концепт обретает в культуре декаданса статус онтологического состояния человека, экзистенциально неизбежное пресыщение жизнью. В современном нам поэтическом тексте Л. Зайлера концепт «усталость» тоже в значительной степени абсолютизируется и выносится за рамки обыденного контекста: онемевшие веки мертвого сеттера продолжают *устало* двигаться, открываясь и закрываясь – по инерции, без смысла, механически, как заведенные.

Декаданс ставил акценты и на подчас недоступных, нездоровых наслаждениях – здесь мы можем упомянуть, к примеру, графику австрийского художника Ф. фон Байроса на откровенные эротические темы, к примеру, сцены садизма и мазохизма. В анализируемом нами тексте одним из важных концептов является «плетка» (родство с концептами «насилие», «власть», «подчинение»). Однако в самой интенциональной структуре текста задается такой модус существования поэтического субъекта, который исключает возможность толкования образов через призму сексуальности. Поэтическое Я оказывается *ребенком*, т.е. читателем интуитивно нивелируется признак пола, а, следовательно, и возможность развития концептов, связанных с эротикой. Однако тот факт, что данная *ремарка* появляется неожиданно, *лишь* в третьей строфе, не отменяет в процессе прочтения возможного дальнейшего развития имплицитных концептов, легко вписывающихся в недвусмысленные контексты, характерные для эпохи декаданса.

Неожиданная смена перспективы, абстрагирование и наблюдение бывшего субъекта со стороны – уже в качестве объекта – не исключает толкования данного текста как развертываемого в модусе онирического пространства, мира сна.

Акцентуация определенных концептов в трансформированном литературном и культурно-историческом контексте порождает особую форму художественной коммуникации, предлагающей реципиенту рефлексировать в процессе чтения и анализа сразу в нескольких культурных пространствах и вовлекающей читателя в интересную литературную игру.

Литература

Seiler L. pech & blende. Frankfurt am Main, 2000.

Языковые особенности немецких инструкций по эксплуатации технических приборов

Заболотская Екатерина Дмитриевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

В обозначении немецких письменных инструкций к техническим приборам и машинам конкурируют друг с другом несколько наименований: *Gebrauchsanweisung*, *Gebrauchsanleitung*, *Betriebsanweisung*, *Betriebsanleitung*, *Betriebsvorschrift*, *Bedienungsanleitung*, *Anleitung*, *Packungsbeilage*, *Kurzanleitung*, *Montagehilfe*, *Gebrauchsinformation*.

Для инструкций по эксплуатации характерно совмещение описательных, пояснительных, руководящих, предписательных и рекомендательных частей текста. Согласно германскому промышленному стандарту 1974 года, инструкции должны включать следующие компоненты [DIN 8418]:

- 1) данные о продукте (например, информацию о его производительности и возможностях эксплуатации);
- 2) требования к установке (например, предохранительные устройства, которые пользователь должен заранее предусмотреть);
- 3) указания по транспортировке, установке и сборке;
- 4) руководство по эксплуатации (например, ввод в эксплуатацию);
- 5) требования к техническому обслуживанию (например, руководство по ремонту).

Роланд Пелька называет следующие параметры, которым надо следовать при составлении инструкции [Pelka: 82]:

- 1) порядок (внешнее членение и внутренняя структура текста);
- 2) структура предложений и выбор лексики (чем проще слова и структура предложений, тем легче воспринимается текст);
- 3) точность, выразительность;
- 4) стимуляция легкого восприятия (достигается в основном приведением сравнений, примеров и аналогий).

В зависимости от вида продукта, цели и формы инструкции или от группы реципиентов техническая документация наряду с руководящими или инструктирующими частями текста содержит более или менее подробные описания (например, наименований деталей приборов, технических данных, действий и процессов):

Die Maschine besitzt Zentralschmierung durch eine Schmierpumpe.

Инструкции по эксплуатации затрагивают не только вопросы практического применения продукта, но и его технического обслуживания, чистки и ухода, а также в большинстве инструкций – случаи возникновения неисправностей:

Reinigung und Pflege

Die Kühlöffnungen am Motorgehäuse stets frei und sauber halten. Den Motor regelmäßig mit Druckluft ausblasen.

Was ist wenn...

...das Programm nicht beginnt?

Возможно также наличие в инструкциях прямых и не прямых оценочных высказываний. Особенно это характерно для инструкций к бытовым приборам:

Zum Kauf Ihres H. möchten wir Sie beglückwünschen. Ihre Wahl fiel auf ein Gerät, das sich besonders durch moderne Form, perfekte Technik und besonders einfache Bedienung auszeichnet.

Нередко пользователя побуждают к покупке каких-либо сопутствующих товаров, включая в текст инструкции своеобразную рекламу:

Noch müheloser und einfacher wird die Raumpflege, wenn Sie die X.-V. mit dem X.-T. oder dem Saugbohrer X.-P. kombinieren.

Инструкции имеют строгое подразделение на части. Как правило, они обязательно должны включать в себя оглавление. Указания, на которые необходимо обратить особое внимание, оптически отделяются от остального текста и подчеркиваются языковыми и типографскими средствами (жирный шрифт, разрядка):

Achtung! Vor allen Einstell- und Wartungsarbeiten an der Kreissäge den Stecker aus der Steckdose ziehen!

В инструкциях часто встречаются сложные слова из двух- или более членов, используемые для обозначения конкретных объектов:

Überlaufrohr, Brühsciene, Saugbesen, Anschlussleitung, Haartrockner, Langzeit-Sicherheitskohlebürste...

Иногда в целях языковой экономии используются также прилагательные-композицы:

betriebsbereit, wassersparsam, sekundengenau, tropfnass, betriebssicher, geräuscharm...

Частое, синтаксически обусловленное использование инфинитивов глаголов ведет к появлению субстантивированных форм в техническом языке:

Ankochen, Fortkochen, Kurzbraten, Inbetriebnehmen...

В число синтактико-стилистических особенностей инструкций входит употребление предложно-падежных конструкций, пассивных конструкций, сложноподчиненных предложений.

Предлог + артикль+ отглагольное существительное:

- *während des Betriebs, vor der (ersten) Zubereitung*
- *nach Beendigung (des Durchlaufs), bei Betrieb, zum Entkalken...*

Сложноподчиненные предложения:

- *nachdem/sobald/wenn der Durchlauf beendet ist (придаточное предложение времени)*
- *wenn die Entkalkung regelmäßig durchgeführt wird (придаточное предложение условия).*

Употребление пассива и конкурирующих с ним форм:

Der Verschiebeanschlag lässt sich so einstellen, dass... Die Hubgeschwindigkeit kann nunmehr... vermindert werden.

В качестве примера применяемых в немецких инструкциях глагольных форм можно привести следующий список:

- предписание или требование: *müssen/müssen unbedingt/müssen in jedem Fall/sind zu/ist erforderlich/ist notwendig;*
- запрет или недопустимость: *dürfen nicht/dürfen keinesfalls/dürfen in keinem Fall/dürfen unter keinen Umständen;*
- разрешение с ограничением: *dürfen nur/können notfalls;*
- разрешение: *dürfen/können/können durchaus/ist möglich;*
- возможность: *können/können gegebenenfalls/ist möglich/ist gegebenenfalls möglich/lässt sich/sind zu;*
- рекомендация: *sollte/sollte möglichst/sollte gegebenenfalls/ist am besten/empfiehlt sich/ist empfehlenswert.*

Таким образом, инструкцию по эксплуатации следует понимать как текст, сопутствующий технической продукции, который информирует пользователя обо всем необходимом и значимом при ее применении.

По своим языковым особенностям данный тип текста является примером применения профессионального технического языка, что проявляется на уровне лексических, морфологических и синтаксических аспектов текста.

Литература

[DIN 8418] – Technische Erzeugnisse. Angaben in Gebrauchsanleitungen und Betriebsanleitungen. Berlin, 1974.

Pelka R. Sprachliche Aspekte von Bedienungsanleitungen technischer Geräte und Maschinen. // Siegfried Grosse, Wolfgang Mentrup. Anweisungstexte. Tübingen, 1982. S. 74 – 103.

Грамматические средства выражения недостоверности в политическом дискурсе

Казакова Алла Александровна

*Аспирантка Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия*

Политический дискурс представляет собой особое явление, вызывающее в последнее время пристальный интерес лингвистов, поскольку его развитие и функционирование тесно связаны с проблемой языковой политики и языкового регулирования. Являясь особым видом коммуникации, политический дискурс обнаруживает высокую степень воздействия на общественное мнение и носит манипулятивный характер. Следует отметить, что манипулятивное воздействие может осуществляться как эксплицитно, например, прямое речевое воздействие на аудиторию, так и имплицитно. В последнем случае обнаруживается противоречие политической реальности, заключающееся во взаимодействии репрезентативной формы, в которой существует политическое явление или действие, и тем, как это явление или действие представлено массовой аудитории [Sarcinelli: 551]. В настоящее время в медийной среде наблюдается тенденция к искажению смысла сообщения различными языковыми средствами, поэтому проблема достоверности является весьма актуальной.

Известно, что вопрос об истине является одним из фундаментальных вопросов, связанных с употреблением языка. Так, известный английский философ-аналитик А. Дж Айер отмечает, что термины *истинный* и *ложный* являются маркерами утверждения или отрицания [Ayer: 88]. То, что мы называем истиной, является утверждением того, во что мы верим. Таким образом, истина не только относительна, но и субъективна. Д. Болинджер вносит лингвистическую составляющую в определение истины: «истина (правда) – это такое свойство языка, которое дает нам возможность информировать друг друга». Данному определению соответствует то, что, согласно намерению говорящего, должно быть понято адресатом, поскольку истина всегда основывается на активности говорящего, его готовности поделиться имеющейся у него информацией [Болинджер: 30].

Истина в политическом дискурсе является одной из центральных категорий. Средства массовой информации (далее: СМИ), являющиеся непосредственными проводниками между политиками и массовой аудиторией, в последнее время стали полноправными политическими фигурами, вследствие чего политическая система вынуждена приспосабливаться к растущей важности медийной коммуникации. Политические деятели полагаются на СМИ в обретении поддержки и признания, СМИ, в свою очередь, полагаются на первых в получении новостного материала [Meyer: 621]. В последнее время, однако, все чаще наблюдаются жалобы политиков на СМИ, обвиняемых в так называемой «охоте на ведьм»: вместо того, чтобы сообщать истинное высказывание, СМИ передают искаженную картину реальности, которая служит их собственным интересам [Beard: 18]. При этом критике подвергается не только сам факт искажения смысла сообщения, но и сама форма презентации сообщения, включая используемый язык. Употребление различных языковых средств дает СМИ возможность показать одно и то же явление или событие с различных перспектив, различных идеологических точек зрения.

Анализируя политические тексты, необходимо принимать во внимание тот факт, что язык отражает не только идеологическую позицию тех, кто ее создает, но и идеологическую позицию читателей, обуславливающую их реакцию. Следовательно,

наиболее значимым представляется вопрос о качестве передаваемой информации в контексте власти. Информативность, точность и объективность являются коммуникативно-значимыми категориями, непосредственно связанными с категорией достоверности. Язык является средством формирования и презентации политического утверждения, в то время как само политическое утверждение – чисто идеологическое. То есть, язык не отделен от идеи, которую он содержит, напротив, способ использования языка показывает, как эта идея формируется [Beard: 18]. Такая установка предопределяет набор языковых средств, при помощи которых осуществляется передача сообщения.

Приведем некоторые грамматические средства выражения недостоверности, отмечаемые Д. Болинджером [Болинджер: 31] и проиллюстрируем их на примере современных немецкоязычных СМИ (FAZ, Zeit):

1) опущение перформативного глагола: *Ein Doktor-Typ ist Guttenberg von seiner Natur aus nicht... Ein Intellektueller ist er nicht*. Отсутствие перформатива (например, *ich/wir behauptete(n)*), дополнительно проясняющего смысл высказывания, представляет собой один из самых безобидных случаев обмана. Опущение менее заметного элемента приводит к тому, что сомнительная пропозиция может проскользнуть незамеченной.

2) опущение указания на агенса в пассивных конструкциях. Данный прием типичен для газетных заголовков: *Der Atomwaffensperrvertrag – tot geglaubt und wiederbelebt; teurer als gedacht*. В зависимости от того, в какой мере читатель принимает ту или иную точку зрения, он самостоятельно заполняет агенсную позицию. Таким образом, употребление пассивных конструкций предстает как весьма удобный прием для передачи различного рода ложной информации.

3) употребление пассивных причастий также характеризуется отсутствием лица, совершившего действие: *Ohrfeige für eine schlecht gemachte Politik*.

4) опущение экспериенцера. Этот прием основан на опущении источника суждения. При этом возможно употребление конъюнктива I без дальнейшего указания на источник: *Guttenberg sei ein sehr guter Praktikant gewesen, aber als Autor sei er nicht aufgefallen*.

Данные примеры иллюстрируют наличие недостоверности в сообщениях и показывают продуктивность обращения СМИ к различным приемам сокрытия истины.

Литература

Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998. С. 23-43.

Ayer A.J. Language, truth and logic. New York, 1952.

Beard A. The language of politics. London, 2000.

Meyer Ch. Political Legitimacy and the Invisibility of Politics. Oxford, 1999.

Sarcinelli U. Repräsentation oder Diskurs? Zu Legitimität und Legitimitätswandel durch politische Kommunikation. Koblenz-Landau, 1998.

Способы актуализации художественного времени и художественного пространства на примере романа Герты Мюллер «Аtemschaukel»

Касумова Оксана Махачевна

Студентка Дагестанского государственного университета, Махачкала, Дагестан

Значимость категорий художественного времени и художественного пространства при анализе художественного текста несомненна, ведь авторы всегда стремятся наиболее правдоподобно или намеренно неправдоподобно создать картину внешнего мира с объектами, размещенными в пространстве и времени.

Художественный текст лишен жёсткой прикрепленности к реальному времени, к реальному пространству, эта связь зависит от лингвостилистической категории «образ автора».

На этом основании теоретическая литература предлагает такие типы художественного времени, как реальное объективное и субъективное [Одинцов, 1980:84].

Чаще всего, точка отсчета времени помещается говорящим в настоящее и совпадает с моментом речи.

Ю.М. Лотман определил художественное пространство как индивидуальную модель мира определенного автора, выражение его пространственных представлений [Лотман, 1981:94]. Различают реальное объективное и субъективное художественное пространство и ирреальное пространство, а также выделяют некоторые типы перспектив художественного пространства: горизонтальная ориентация пространства, перекрестная и секторная перспектива [Одинцов, 1980:102-137].

Примеры, взятые из романа «Atemschaukel» немецкой писательницы Герты Мюллер, удостоенной Нобелевской премии за этот роман в 2009 году, иллюстрируют то, как в художественном тексте по воле автора изменяются временная и пространственная перспектива.

Здесь мы наблюдаем субъективные переносы времени, где точкой отсчета для автора становится прошедшее время:

*Im Sommerhaus auf der Wench, tief im Obstgarten, **stand** eine Holzbank ohne Lehne. Sie **hieß** Hermannonkel. Den Namen **hatte** sie, weil wir niemanden **kannten**, der so **hieft**. In der prallen Sonne **schwitzte** der Hermannonkel Harztropfen. Wenn man sie **abzupfte**, **waren** sie **am nächsten Tag nachgewachsen** <...>.*

Интенсификатор «am nächsten Tag» чаще употребляется для передачи перспективы будущего, но в данном случае событие описывается уже как свершившегося, и далее автор ведет повествование в форме прошедшего времени, что придает некую размеренность смене описываемых событий.

*Weiter oben auf dem Grashugel **stand** die Tante Luia. Sie **hatte** eine Lehne und vier Beine und **war** kleiner und schlanker als der Hermannonkel, und alter als er. Himmel unten Erde oben und dazwischen Gras, Immer **Melt** das Gras mich an den Fufienfest, dass ich nicht in den Himmelfalle. Immer **sah** den grauen Unterleib der Tante Luia<...>.*

Лишь глагол «fallen» в форме настоящего времени «вырывает» нас из этого ряда описываемых прошедших событий и передает некую возможность, скорее, вероятность того, что может только произойти с автором в ближайшем будущем.

Но события, изображенные автором в прошедшем времени, также могут быть соотнесены друг с другом во временной перспективе, так например, когда автор прерывает повествование и переносится в мир воспоминаний.

*An einem Abend **saß** die Mutter auf der Tante Luia, und ich lag vor ihren Ftiften auf dem Rticken im Gras. Wir **schauten** hinauf die Sterne waren alle da<...>*

Интенсификатор «an einem Abend» сигнализирует о смене картины описываемых событий, направляя читателя к воспоминаниям автора.

Но неожиданно перспектива прошедшего резко обрывается, и тема «der Hermannonkel und die Tante Luia» оборачивается рассуждениями автора о значимости существования неба и земли, причем рассуждения эти ведутся в настоящем времени.

*Der Himmel und die Erde **sind** die Welt. Der Himmel **ist** so groß, weil darin fur jeden Menschen ein Mantel **hängt**. Und die Erde **ist** so grofi wegen den ganzen Entfernungen bis zu den Zehen der Welt. Bis dorthin **ist** es aber so weit, dass Mann mit dem Denken aufhoren **muss**, weil Mann die Entfernungen, wie eine leere Uebelkeit im Magen spurt<...>.*

Использование категории времени, таким образом, превратилось в определенный композиционный прием, и субъективность в подаче временного плана сказалась в том, что картина описываемых событий переместилось из прошлого в настоящее. Однако незаметно, ненавязчиво повествование переводится в план настоящего.

Пространство так же, как и время, по воле автора может смещаться. Художественное пространство создается благодаря применению ракурса изображения;

это происходит в результате мысленного изменения места, откуда ведется наблюдение: общий, мелкий план заменяется крупным, и наоборот.

Если, например, взять анализируемую нами главу и рассмотреть её с точки зрения пространственных ощущений, то окажется, что в ней четко выражена перекрестная перспектива описания картины событий с указанием на отдельные стороны и геометрические параметры. Она помогает художнику слова разместить объекты, упорядочить их расположение в открытом или закрытом пространстве, определить передний, второй и задний его планы.

Так изначально автор переносит нас в точку «im Sommerhaus, tief im Obstgarten», описывая её крупным планом.

Im Sommerhaus auf der Wench, tief im Obstgarten, stand eine Holzbank ohne Lehne<...>

Далее постепенно план отдалается от нас, поднимаясь выше, но при этом складывается ощущение, что при этом план не уменьшается, а наоборот, становится шире, объемнее, что позволяет нам даже в отдалении четко различать все детали:

Weiter oben auf dem Grashugel stand die Tante Luia. Sie hatte eine Lehne und vier Beine und war kleiner und schlanker als der Hermannonkel <...>

И, наконец, автор конкретно определяет три основные точки, так называемые ракурсы изображения событий, откуда мы видим всю картину в целом, но при этом нарушен законный порядок расположения предметов в пространстве:

Himmel unten Erde oben und dazwischen Gras<...>

Определить точное расположение предметов в пространстве помогают интенсификаторы «oben», «unten», «weiter», «dazwischen».

Литература

Одинцов В.В. Стилистика текста. М; 1980.

Лотман Ю.М. Текст в тексте. Тарту, 1981.

Herta Müller. Atemschaukel. München. 2009.

Средства выражения отрицательной оценочности в словообразовании австрийского национального варианта немецкого языка

Крупенченко Валентина Николаевна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова

Слова с отрицательной оценочностью – важный элемент в структуре языка. Их изучение представляется любопытным с точки зрения не только лингвистики, но и ряда таких общественных наук, как культурология, социология, психология, с которыми неизбежно приходится соприкоснуться, исследуя соответствующие лексемы.

Остановившись подробнее на собственно лингвистическом анализе таких словарных единиц, интересно рассмотреть те языковые средства, с помощью которых выражается отрицательная оценочность австрийски маркированных лексем на уровне словообразования и попытаться установить, в чем проявляется их специфика в сравнении с собственно немецкими способами передачи негативного оттенка значения.

Несмотря на то, что сами по себе механизмы пейорации для обоих национальных вариантов языка в целом одинаковы, мы обнаруживаем определенные расхождения в их частных формальных проявлениях. Следует сразу же отметить, что при изучении данного вопроса ни в коем случае нельзя забывать о способе сложения основ и вторичной номинации, заслуживающих отдельного подробного исследования и сознательно не затрагиваемых в этой работе. Для анализа аффиксальных средств словообразования будет целесообразно разделить весь подходящий словарный материал по частям речи и рассмотреть каждую из получившихся групп в отдельности.

Чаще всего отрицательная оценочность выражается суффиксами имени существительного. Известно, что в немецком языке существует определенный набор словообразовательных элементов, традиционно сообщающий той или иной лексической

единице более или менее интенсивный отрицательный компонент значения. В частности, словарь Metzler-Lexikon Sprache, затрагивающий этот вопрос в статье о коннотации, перечисляет такие аффиксы (для имен существительных и прилагательных), как *Ge + -e, -ei/-elei/-erei, -ler, -ling, -bold, -isch, -i, -ak, -ian, -ismus, -ist, -istisch, -itisch*. Т. Шиппан в статье «Wertung und Gefühlswert als konstitutive Merkmale denotativer Bedeutung» приводит в качестве примера те же словообразовательные элементы, добавляя к ним суффикс существительного *-itis* и диминутивный суффикс *-chen* как способствующий передаче ироничного отношения к обозначаемому объекту (а также глагольные префиксы *-ver* и *-zer*).

Отрицательно-оценочные лексемы австрийского национального варианта немецкого языка не ограничиваются производными с вышеуказанными формантами, что придает австрийской речи известную самобытность. Наиболее широко распространенными среди порядка двухсот пятидесяти рассмотренных оценочных имен существительных оказались лексемы с суффиксами *-(e)l, -erl (-url), -i* и *-ndl*, не характерными для немецкого языка Германии и частично вступающими в синонимические отношения с соответствующими немецкими аффиксами (ср. диминутивные *-erl* и *-chen*).

Другие суффиксы (напр., *-ant*) встречаются как в собственно немецком языке, так и в его австрийском варианте, с той разницей, что стилистическая и эмоциональная окраска образованных с их помощью лексем при этом может варьироваться (ср. нем. нейтральные *Lieferant* – «поставщик», *Demonstrant* – «демонстрант» и австр. маркированные *Gschwadrant* – «болтун», *Tschecherant* – «пьяница»). Последнее, впрочем, еще не дает достаточных оснований с уверенностью утверждать, что негативная коннотация сообщается слову именно посредством присоединения этого суффикса, так как основы таких лексем уже сами по себе обладают отрицательным компонентом значения.

При рассмотрении структуры имен прилагательных определение наиболее продуктивного аффикса, участвующего в образовании слов со сниженной оценкой, не вызывает затруднений: лидирующая позиция здесь однозначно принадлежит суффиксу *-ert (dalkert* – «глупый»), который в немецком языке Германии встречается крайне редко. Заметную роль играет суффикс *-i (glusti* – «алчный»), а также суффикс *-ig (gamsig* – «похотливый»), ощутимо чаще, чем в собственно немецком языке, участвующий в образовании новых словарных единиц и частично превратившийся в *-ich* (по-видимому, под влиянием сохранившегося в ряде случаев стандартного произношения).

Следует упомянуть еще одну характерную особенность австрийских имен прилагательных с отрицательной оценочностью, а именно существование обширной группы так называемых псевдопричастий, нередко встречающихся там, где в немецком языке Германии мы находим самое обычное, зачастую неизменяемое прилагательное (ср. нем. *faul* и австр. *gfäult* – «гнилой, тухлый»).

Для австрийского немецкого характерны глагольные суффиксы *-eln* и *-erln*, нередко сообщающие слову отрицательную коннотацию и часто не имеющие параллелей в собственно немецком языке Германии (напр., *maraxeln* – «хворать», *papierln* – «держаться за дурака»). В то же время очень продуктивный в языке Австрии суффикс *-ieren* ведет себя менее однозначно, участвуя в образовании как стилистически маркированных, так и нейтральных лексем (ср. ирон. *betonieren* – «подчеркивать» и нейтрал. *amtieren* – «занимать должность»).

Среди немецких и австрийских глагольных префиксов наблюдается известная синонимия, однако ведущие позиции по степени участия в формировании слов с отрицательной оценкой принадлежат, скорее, наречно-предложным компонентам *-ab* и *-an (abpaschen* – «удрать», *anflascheln* – «напиваться»), нежели приставкам *-ver* и *-zer*, как отмечают исследователи этой темы в рамках немецкого языка Германии.

Литература

Metzler-Lexikon Sprache / Hrsg. von Helmut Glück. Stuttgart, 2006.

Schippan Th. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1987.